

8 КРУГОГОРЬ 71

Новгород-Северский и сегодня мало чем отличается от маленького провинциального городка, изображенного на старинной гравюре. С высоты холма видно: вязы и клены прикрывают дома и улицы, блестит на закате, изливается Десна, млеют в росе сытые луга, темнеет вдаль, наливаясь грибным духом, лес...

И, наверное, каждый приезжий радуется этому сходству и подмечает, как вписываются в старину новые дома, новые магазины, прекрасный кинотеатр, Дворец культуры с афишей: «Сегодня вечер «Дом, в котором ждут солдата...». Вход свободный...»

Местный музей миниатюрный. От колычуг воинов князя Игоря, уголка великого русского педагога Константина Ушинского, стенда организатора «Народной воли» Александра Михайлова, чертежей Николая Кибальчича до портретов уже нынешних героев Новгород-Северской земли — всю экспозицию вы пройдете за полчаса. Есть в музее портреты и трех сестер — Антонины Васильевны Радченко, Анастасии Васильевны Волкогон и Александры Васильевны Гуленок.

Судьбы сестер — наших современниц удивительны. Их можно назвать и современницами Михайлова и Кибальчича: ведь они знали их родных, близких.

С героем гражданской войны Георгием Базилевичем сестры были знакомы, жили рядом и сейчас живут на улице его имени.

Они учили читать и писать Героев Советского Союза Николая Ляха, Николая Колодко, Ивана Курганского, трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба.

Три сестры учились в Новгород-Северской гимназии.

Более полувека назад сестры закончили ее и стали учить ребятшек, выполняя и по сей день наказ своего кумира и земляка Ушинского: «Конечно, более всего желал бы я, чтобы мы поняли друг друга, чтобы ваше внимание еще более согрело мою ревность и чтобы то и другое было плодом не суровой обязанности, а обоюдного нашего стремления к истине и желания быть полезным нашему отечеству».

В родной город сестры вернулись не очень давно. Случилось так, что ростки знаний, посеянные тремя учительницами, прорастали в разных краях. Осознать, осмыслить добро, возвращенное сестрами, так же трудно, как и невообразимую необъятность лугов, пашен и лесов их родной стороны. Их ученики защищали Советскую власть, строили социализм. В военную пору, как и в двадцатом, когда приходилось особенно трудно, сестры жили вместе. Работали в одной школе в Перми. После уроков шли на Каму, куда доставляли с фронта гимнастерки, опаленные порохом, пробитые осколками. Обрато, на фронт, их отправляли заштопанными, руками сестер обглаженными...

Многие не вернулись в сорок пятом...

У Анастасии Васильевны было трое сыновей...

Не оглядываясь на годы, жили и работали сестры.

Их труд был отмечен орденами Ленина. А когда здоровье напомнило о старости, решили поселиться вместе.

Иногда Анастасия Васильевна съездит в Шостку (это недалеко от Новгорода-Северского), подойдет к школе имени Героя Советского Союза Колодко. «Здравствуй, Коля...» И — домой... Самая дальняя поездка была в Москву, в гости к Ивану Нинитовичу Кожедубу.

А недавно и вместе с сестрами отправился в школу, которую они закончили еще в те годы, которые в школьных учебниках называются временем столыпинской ре- акции.

Конец июня — счастливая пора для сестер: волнений много, кончают ребята школу, вспоминается все — и хорошее и плохое... Идут сестры потихоньку по улицам, ордена надели, нарядные... И люди им низко кланяются.

— А вон мой-то прошел, — говорит Александра Васильевна.

— Да, неужто мы его в 18-м после уроков оставляли? — улыбается Антонина Васильевна.

— Верно, — кивает Анастасия Васильевна, — точно, в 18-м. Помнишь, его тогда вылечили от инфлюэнцы?

— Да, да... И за лекарей приходилось...

Вспомнились чеховские мечтательницы Ольга, Маша и Ирина. В принципе они могли бы быть знакомы. Я улыбнулся, представив их возможный разговор о жизни, о работе, которая для одних стала счастьем, а для других — как была, так и осталась — только мечтой.

Рассказ сестер вы услышите на 1-й звуковой странице.

Новгород-Северский.
Черниговская область

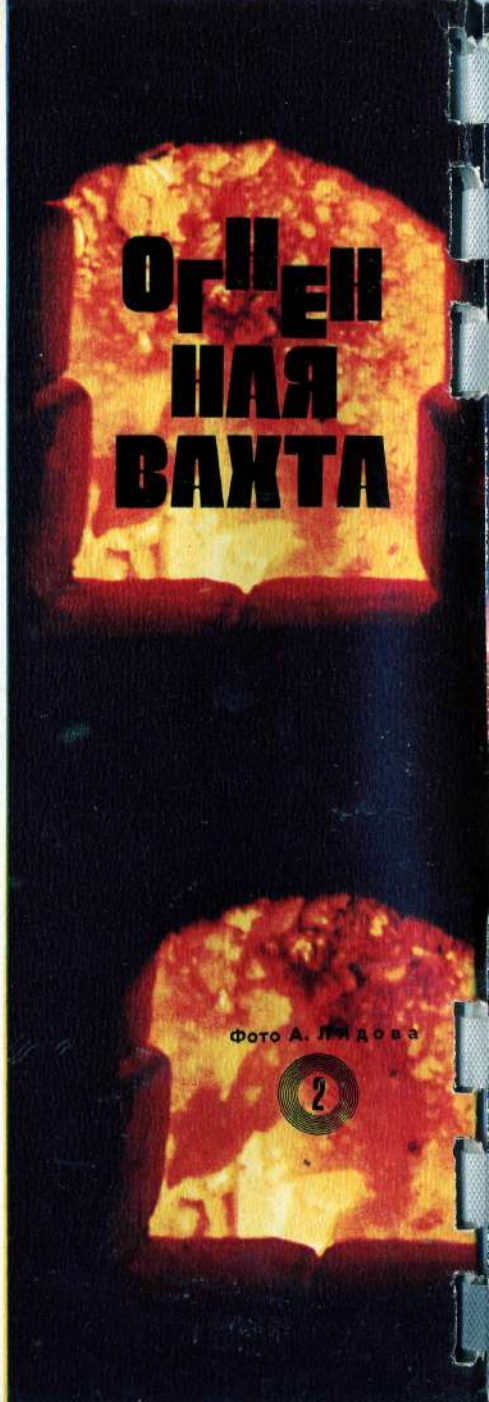
ЧЕРТА ХАРАКТЕРА
ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

ТРИ СЕСТРЫ

Д. БЕЛОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото
И. Лазарева

Грайворонский
кирпичный завод.

Они несли
огненную
вахту —

А. Богданов, И. Орлов,
М. Богданова,
П. Кубло,
В. Карпинский.

Весною этого года на Грайворонском кирпичном заводе рухнула туннельная печь. Завод этот находится в сельской местности, и продукция его расходуется здесь же — идет кирпич на дома колхозников, на строительство школ, мастерских, ферм. И заметьте, кирпичный завод этот один на всю округу.

Поблизости от завода березовая роща.

— За рощей — Ворскла, — говорит Иван Тимофеевич Заднепрянский.

Та самая Ворскла, со дна которой его предок достал подзорную царскую трубу. Ворскла — «вор» и «скло» — по-украински «стекло». А Грайворон! Грай вороньей стаи.

Семейное предание сохранило историю возникновения фамилии Ивана Тимофеевича. Рассказывают так:

...Царский бот шел под всеми парусами. Петр Первый стоял на носу и смотрел в подзорную трубу. Дикие гуси бились с огромной, похожей на

грозовую тучу стаям ворон. Вороний грай заглушал гусиный гогот.

— Великий государь, плохая примета, — сказал Меншиков.

— Не карнай, инязы! Под Полтавою победим мы, а не воронья стая Карла XII.

Сильный порыв ветра резко накренил бот, царь уронил подзорную трубу в реку.

Матросы ныряли, но безуспешно.

— Дозвольте мне попробовать! — раздался голос с берега.

Мужик прыгнул с обрыва и надолго исчез.

Но вот показалась рука с подзорной трубой.

— Держить, ось ваше скло, государь!

— Подать молодцу чарку водки! — распорядился Петр. — Кто будешь!

— Из запорожских казаков. С острова Хортица...

— Из-за Днепра, значит. Как наречен!

— Михайло Гогопузы!

— Непотребное имя... Быть тебе Заднепрянским. Поставить Михайлу Заднепрянского на государевый кошт в кирасирский полк!

...С Полтавской битвы Михайло Заднепрянский вернулся раненым. На груди его сияла медаль.

Потомки Михайлы Заднепрянского в меру сил своих и умения хранили семейную честь. И в наши дни не уронил ее Иван Заднепрянский. В Отечественную войну мальчишкой он был партизанским разведчиком, потом служил в действующей армии. Закончил войну младший лейтенант Иван Заднепрянский в Будапеште.

Двенадцать последних лет Иван Тимофеевич — директор кирпичного завода. Ныне и в сельской местности все начинается с кирпича. Любое строительство. А кирпич начинается с завода.

Словом, в округе было бы пусто, если бы не завод. Даже березовой рощи не было бы.

Глядя на рощу, Иван Тимофеевич задумчиво говорит:

— Двенадцать лет назад здесь был пустырь. Некоторые сомневались: мол, не приживутся деревья. Но у парней характеры — кремь. Засуха нагрянула, так по несколько раз в день поливали воду ведрами из Ворсклы таскали. Кремневые люди, — повторил директор.

«Действительно, кремневые», — подумалось мне.

В судьбе каждого человека бывают моменты, которые можно образно назвать «огненной вахтой». Когда жизнь испытывает твою волю, мужество. Так было с предком Ивана Заднепрянского. Так случилось с ним и рабочими завода, когда на рассвете хмурого дня сирена тревожно заголосила на всю округу: «Авария!» Началась огненная вахта.

Как это было!

Послушайте 2-ю звуковую страницу.

Николай ШУМАКОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Грайворон, Белгородская область

Валентин ПРОТАЛИН

ЗАПОЗДАЛЫЙ АПРЕЛЬ

Запоздалый апрель
появился в подмокших сугробах,
с ночи снегом пушистым
их грязные плечи одел,
извините меня,
что в пути задержался немного
и в порядок с дороги
себя привести не успел.
Что ж, здорово, приятель!
Пустое, прости, это —
опоздал, задержался...
Но ты ведь не мог не прийти.
По уставу природы
за веснами следует лето.
Лучше ты меня, если
не так тебя встретил, прости.
А опаздывать... Что ж —
после срока покрытие долга...
Лишь дымящийся мир
от нахлынувших дум присмирел,
дети долгой войны,
к тишине привыкали мы долго,
и с тех пор опозданье
мне выпало, словно удел.
Дети долгой войны...
Сколько черт,
сколько слабостей сходных!
Как нередко рвалась
рассуждений проклятая нить,
потому что в период
возросли такой переходный,
о котором история
будет еще говорить...
Запоздалый апрель
разгорается в небе высоком.
Хорошо бы и мне
по призыву эпохи самой,
обнажив свою душу,
пролиться весенним потоком,
как апрель, разгуляться,
задержанный поздней зимой.
Все печали изведая,
почувствовать землю любимой,
все, что выносил, все,
что в душе накопилось, отдать...
Только в этот бы раз
по случайности неоправимой
или просто привычке сложившейся
не опоздать.

Василий КИРИЛЛОВ

СОН-ТРАВА

Если вам нахмуренно и резко,
Немилы колючие глаза,—
За ученым градом Мелекесом
Есть еще хорошие леса.
Здесь для первых бабочек приволье.
Отшатался ветер ледяной!
На тропинке летошняя хвоя
Обдаёт сегоднешней весной.

А из листьев, слипшихся на кочке,
В высоту пробившийся едва —
Светлый-светлый синий колокольчик.
Он-то и зовется сон-трава.
...Бред охотник голою тропкою
По медвежьим медленным следам.
Работягу-дятла над собою
На сосне проснувшейся видал.
Слышал где-то иволгины звоны...
А у дунки с талую водой —
Он, топтыгин, собственной персоной
Колокольчик держит голубой.
Спит, раскинув лапы, близко-близко.
Спит, отведав ранний медонос.
И стрелок, оттягивая выстрел,
Сон-траву и сам к губам поднес.
Облака качаются спокойно.
По воде расходятся круги.
Спят враскидку на опавшей хвое
Вывшие усталые враги.
Что им снится?

Огненный малинник?
Соловьи?

Подруга на траве?
Тихо лес картину отодвинет.
Сон другой придвинет к голове.
Поднимусь.

Костер тушу водою.
Улыбаюсь.

Знаю, что жива.
Что и нас в тревоге успокоит
Старая, как небо,
сон-трава.

К
ДАЛЕКОЙ
ЗВЕЗДЕ

Впервые публикуемые фрагменты воспоминаний М. К. Морозовой, быть может, покажут Скрябина в несколько неожиданном ракурсе. Мы наблюдаем великого музыканта глазами его ученицы в моменты уроков фортепианной игры, авторского исполнения «Поэмы экстаза» и домашнего разговора с друзьями. Ко многому уже известному в человеческом и творческом портрете композитора, чье столетие со дня рождения будет вскоре отмечаться, добавлены новые штрихи.

В течение 1902 и 1903 годов я брала уроки у Скрябина. Эти постоянные встречи и занятия с Александром Николаевичем меня очень с ним сблизили. В Скрябине была необыкновенно повышенная, интенсивная духовная жизнь, которая неизбежно сообщалась каждому, кто близко стоял к нему. Он был так щедр, никогда не скупился играть часа два подряд, если вы жаждали слышать его музыку, рассказывать свои мысли, если вы хотели понять что-нибудь, что вам было неясно. Благодаря его экспансивности и общительности вы непременно посвящались во все самые интимные и мельчайшие подробности его жизни, во все качества и недостатки его, он становился для вас живым, близким и дорогим человеком, которого вы начинали горячо любить. Сама его внешность была очень изящна и привлекательна и приобрела с годами отпечаток какой-то особой, изысканной тонкости. Особенно запечатлелись его глаза: большей частью с приподнятыми бровями, какие-то опьяненные той внутренней, интенсивной игрой творческой фантазии, которая была ему так свойственна, иногда отсутствующие, как бы ушедшие в себя, а иногда вдруг ужасно оживленные, бевовые... и добрые. Симпатичны были вихри на манушке, которые иногда торчали в разные стороны... В общем, в его образе ярко сплелись две противоположные черты: с одной стороны, напряженная одержимость одной идеей, причем эта идея имела грандиозный, мировой размах, с другой — в жизни он был почти ребенком...

Его игра была совершенно волшебная, ни с чем не сравнимая. Сколько красоты, нежности и певучести было в звуке, такая тонкость нюансов, какая-то нездешняя легкость, как будто он отрывался иногда от земли и улетал в другие сферы «к далекой звезде» (как он сам раз сказал про «полет» в 4-й сонате). Фразировка также имела очень своеобразный характер, несколько нервно-повышенный, слегка напизный и порывистый. Конечно, я говорю о его игре в интимной обстановке, тут он как бы творил свои вещи! Наоборот, эстрада и большой зал парализовывали его. Я помню, что как-то раз в Москве, после концерта, он говорил мне:

«Выйти на эстраду перед публикой для меня всегда настоящее страдание!»

В конце лета 1905 года Александр Николаевич переехал в Большяско, в Италию, близ Генуи.

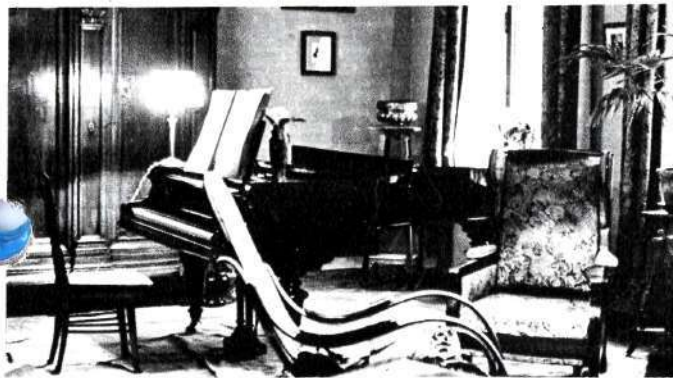
Когда я написала Александру Николаевичу, что собираюсь приехать к нему на несколько дней, он очень радостно откликнулся на это. Он писал мне: «Надеюсь, что мы проведем много светлых и радостных дней. К тому времени я, может быть, кончу свою «Роете оргіаке»¹ и сыграю Вам ее. А сколько интересных бесед! Уж Вы не будете спускаться и ответите мне на все вопросы, а таковых я готовлю миллион!»

Я помню, как я села в поезд в Биаррице, во Францию, и приехала прямо в Нерви, где меня встретил на вокзале Александр Николаевич. Я была счастлива его видеть. Мы

На фото:
А. Н. Скрябин.
1914 г.

Рабочий кабинет
А. Н. Скрябина.

поехали с ним на извозчике в Большяско...

Он уже почти окончил «Роете оргіаке» и сыграл ее два раза за эти дни на пианино, что было невероятно трудно... Пианино стояло в той маленькой комнатке, где работал Скрябин. Оно стояло по стене, упираясь с обеих сторон в стены, комнатка была шириной с пианино. Против пианино было окно в садик, а за садиком проходили почти ежеминутно поезда со страшным, пронзительным свистом! Иногда они останавливались против окна и дымили так, что дым наполнял всю комнатку. Но, несмотря на это, Скрябин играл поэму, забыв все окружающее. Я помню, как гремела «Роете оргіаке» под этот свист и дым, и было хорошо и радостно... В 1907 году, весной, мы поехали с моей сестрой, Еленой Кирилловной Востряковой, в Париж на Исторические концерты русской музыки, организо-

ванные С. П. Дягилевым, а также мне очень хотелось навестить Скрябина, которого я полтора года не видела и который находился в это время в Париже.

У Скрябиных была очень уютная квартира в Париже... Как-то был у них вечер, на котором Александр Николаевич сыграл «Поэму экстаза» на рояле, чтобы познакомить с ней наших русских музыкантов. Было довольно много народа, но я помню только Н. А. Римского-Корсакова с женой, А. К. Глазунова, С. В. Рахманинова и пианиста И. Гофмана с женой-американкой. Когда Скрябин кончил играть, все сели за чай и разговор зашел о тексте к «Поэме экстаза». Римский-Корсаков сидел на конце стола, около него Александр Николаевич. Римский-Корсаков, высокий, длинный, поверх очков смотрел на Скрябина очень внимательно и с любопытством.

Александр Николаевич, откинувшись назад, закинув голову, говорил громко, неохотно, несколько натянато, но видно было, что он считал своим долгом разъяснить кое-что. Среди всеобщего молчания раздавался голос Александра Николаевича. Я не помню, как шел разговор, что говорил Александр Николаевич, только у меня запечатлелась одна его фраза: «Вы будете жить всеми ощущениями, гармонией звуков, гармонией цветов, гармонией запахов!» При слове «запахов» Римский-Корсаков буквально подскочил и говорит: «Этого я не понимаю, Александр Николаевич, как это гармонией запахов?» Вероятно, потому я так запомнила этот маленький отрывок разговора, что в нем очень ярко почувствовалась, насколько Скрябин и Римский-Корсаков — люди разные... Кроме того, эти две фигуры, сидящие рядом, были очень выразительны и живописны и одновременно противоположны друг другу.

¹ Потом переименованную в «Поэму экстаза» (прим. автора воспоминаний).

Неожиданность встречает уже во дворе мархининского дома. Напротив крыльца под черешней стоит странная машина: узкий и стремительный, как тело кузнеца, корпус на шасси от мотоцикла. Это и есть знаменитая парусно-колесная яхта, дважды пересекавшая Казахстан. Пока что яхта на приколе. Мачта снята. Парус свернут. Теперь уже до осени. На крашенном белой нитрой корпусе горькая пыль Капчагая. Между спицами длинные соломины чия — память о недавнем походе.

Рудольф Мархинин, командир двух переходов через пустыню, рассказывает о ровных, как взлетная полоса, такырах и сорах, соляных озерах Устюрта, о пестрых варанах и степных ветрах.

— Человек обязательно должен путешествовать, иначе он устанет жить. Это Мархинин, которому не сидится на месте.

А вот он же — другой Рудольф Мархинин: слесарь-лекальщик, расточник, фрезеровщик, шлифовщик и, наконец, наладчик сложнейших автоматических станков. Специалист экстракласса, тринадцать лет проработавший на алма-атинском станкостроительном заводе «XX лет Октября».

Лингвисту, в совершенстве изучившему десять языков, не составит труда освоить одиннадцатый. Мастеру, овладевшему несколькими сложными профессиями, открываются коренные основы любого дела. В принципе Рудик может наладить любой станок и сделать любую деталь. Это его квалификация. На участке Мархинина одиннадцать зуборезных и зубшли-

фовальных станков. Шестерни, которые выходят с его участка, монтируются на станки, идущие во многие страны мира.

Дед Рудольфа, деревенский кузнец, был таким удивительным мастером, что старики в Кокчетаве по сей день рассказывают о нем, а подтверждением этих нелепых историй является пушка, откованная им в деревенской кузнице. Не имея возможности отлить или просверлить ствол, кузнец отковал его из двух половин и стянул обручами, работа была сделана с таким мастерством, что щели на стволе не видно. В двадцатых годах эта пушка выпустила немало шрапнели из рубленых гвоздей по белоказакам.

Дмитрий Петрович Мархинин — отец Рудольфа. Седина в усах. Высок и чуть сутуловат, с редкой, но удивительно светлой улыбкой, с черными трещинками, как у всех слесарей, на руках. Таким увидел я Дмитрия Петровича через месяц после того, как он был награжден первым своим мирным орденом — орденом Октябрьской Революции.

Прошедший всю войну, артиллерийский капитан, кавалер многих орденов, Дмитрий Петрович Мархинин в 1949 году поступил на алма-атинский станкостроительный завод «XX лет Октября» учеником слесаря. Возможно, многим покажется странным этот шаг. Но Мархинин-старший всегда отличался обстоятельностью и с тех пор двадцать три года работает слесарем. На десять лет позже отца пришел на завод Рудольф. Также учеником слесаря. Утром (Мархинины живут теперь

ПАРУС В

Репортаж-путешествие
слушайте
на третьей звуковой
странице

ПЕСЧАНОМ МОРЕ

*Попутный ветер степей
развертывает трассы
песчаных буеров.
Но не всегда одни лишь
спортсмены удивляются
открывающимся перед ними
картинам природы
и радуются внезапной
встрече со свежей
и прохладной водой.
Для местных жителей тоже
поразительно: пустынное
море и... алый парус!*

своими домами) отец и сын встречаются в проходной, здороваются, идут на рабочие места. Спокойные, внешне даже суховатые отношения. Что ж, это семейный характер. Дмитрий Петрович и в первые годы не часто подходил к станку сына. Мелочной опеки в семье не признают. Своя голова на плечах, а руки, известное дело, мархининские.

Рудольф стал мастером. Последним правом сына на высокое рабочее звание признал отец. Признал молчаливо. Но этот день, я уверен, был самым счастливым в жизни Рудольфа.

И вот недавно к станку в том же цехе, на том же заводе, встал младший Мархинин — Валерий.

Старики говорят, что к тридцати годам мы становимся копиями своих отцов. Что ж, Мархининым повезло. Ну, а кому же обязан Рудольф своей страстью к путешествиям? Думаю, что и это семейное. Что же занесло в Среднюю Азию, в Сибирь, на Алтай это исконно русское, русоголовое, голубоглазое семейство?

Каждую весну, как только чингиль покрывается темно-фиолетовыми мелкими цветами, Мархинину начинают снится один и те же сны. В этих снах дует горячий ветер. Лилля, жена Мархинина, пытается отвлечь Рудина. Она покупает билеты в театр, готовит бесплодные манты, заводит разговоры о том, что пора наконец съездить с сыном на Иссык-Куль. Но однажды под старой черешней поселяются странные машины, похожие на больших кузнечиков, и мархининский дом наполняется голосами «матросов пустыни». Алма-атинского инженера Геннадия Варейника — зачинателя

всех экспедиций, человека, который может собрать яхту даже на необитаемом острове, так как умеет делать нужные детали просто из ничего. И бывшего моряка Игоря Рожкова, который уже несколько лет готовит кругосветное путешествие под парусом.

И. ЦИБУЛЬСКИЙ

Капчагай
Фото автора

Ивана Сергеевича Тургенева связывала большая дружба с Михаилом Бакунинным. Когда Тургенев и Бакунин жили в Берлине, они даже поселились вместе в одной квартире. Дружба эта оставила глубокий след в творчестве писателя.

У Михаила Бакунина было четыре сестры. С одной из них, Татьяной Александровной, Тургенев встретился в 1841 году. Он называл Бакунину своею музой и все, что создавал в те дни, прочитывал ей.

«Что за чудное, за прекрасное создание Татьяна Александровна! — писал хорошо знавший ее В. Белинский. — Я смотрел на нее, говорил с ней — и сердился на себя, что говорил. Надо было смотреть и молиться. Эти глаза темно-голубые, как море, этот взгляд, внезапный, молниеносный, долгий, как вечность... нет, обо всем этом не должно говорить, не должно сметь говорить...»

Первое письмо Т. Бакуниной Тургеневу относится к началу 1842 года, последнее — от 15 августа 1843 года. Она

Одно из стихотворений цикла, «В дороге», стало словами романа «Утро туманное». Кому же принадлежит музыка этого романа, такая искренняя в своей простоте...

А. А. Игнатьев в книге «50 лет в строю», называет автором князя И. В. Мещерского, одного из десяти братьев Мещерских. В эту ошибку впадали многие. Но вот что рассказал в своих воспоминаниях «Из моей старины» Александр Васильевич Мещерский. Он был однополчанином и большим другом трех братьев Абаза — офицеров лейб-гвардии гусарского полка.

Все три брата прекрасно владели гитарой, писали романсы. В забытых, пожелтевших папках старинных цыганских романсов нередко можно встретить фамилию Абаза с различными инициалами, иногда надпись «Музыка братьев Абаза». Многие романсы, в том числе и «Утро туманное», помечены инициалами В. В. Это жена одного из братьев, певица Варвара Абаза. Она опубли-

„ТИХОГО
ГОЛОСА
ЗВУКИ
ЛЮБИМЫЕ“

просит его, чтобы он был «прям, прост, благороден»... «лучше не иметь ни одной минуты счастья и быть в Истине».

И первое и последнее письма Татьяны Бакуниной говорят о дороге и о разлуке.

«Я сама принесла к ногам Вашим мою непрошеную, мою ненужную любовь», — писала Бакунина Тургеневу. Она просит вернуть ее письма, но тут же поясняет, что ею руководит не страх за себя, а та мысль, что, возможно, через много лет эти письма попадутся ему на глаза и вызовут у него сожаление, ему станет грустно... Она этого не хочет из-за любви к нему. Ничто не должно его тревожить...

Талант, которым обладает человек, увековечивает каждое его чувство, как большое, так и малое...

В 1843 году Тургенев создал цикл «Вариации», навеянный, как считают некоторые литературоведы, воспоминаниями о Т. А. Бакуниной.

ковала многие романсы, входящие в ее репертуар, закрепив за собой их авторство.

Подлинным же автором «Утра туманного» А. В. Мещерский называет Эраста Абазу, самого талантливого из братьев.

Когда вспыхнула Крымская война, многие гвардейцы стали переходить в армейские полки, для того чтобы скорее отправиться на фронт. Среди таких офицеров был и Эраст Абаза. Он тут же получил командование батальоном, который стоял в самом Севастополе.

6 июня 1855 года войска неприятеля были отброшены от стен Севастополя. То был бой на Корабельной стороне. Абаза со своим батальоном принял на себя огонь противника. Много солдат и офицеров не вернулось с поля боя. Погиб и Эраст Абаза, сочинивший однажды на расвете морозного дня романс «Утро туманное...», который вы услышите на шестой звуковой странице.

Е. МЕЩЕРСКАЯ

искусство аранжировщика

Как создается песня?

Очень часто задают этот вопрос, по-разному на него отвечают, но, как правило, забывают о немаловажном звене в цепи создания песни — инструментовке.

Инструментовка — это не просто переложение фортепианного аккомпанемента для маленького ансамбля или большого оркестра, это творческое осмысление идеи композитора и поэта, это наряд, это облик песни. Часто от способности, вдохновения инструментововщика зависит судьба песни: то ли она завянет, то ли расцветет, станет популярной.

Одно из значений французского слова «арранжеман» — примирение. Пожалуй, оно вернее всего и отражает смысл работы — примирение всех голосов оркестра, ансамбля. Родоначальником современной аранжировки в легкой музыке считают французца Эмиля Тавана (1849—1930). Он создал так называемую «оркестротекку», то есть серию нотных изданий, где были напечатаны переложения танцев, сочиненных разными авторами для оркестров самого разнообразного состава — от большого до минимального. Об изощренности приемов самого Тавана говорили, что если бы он захотел убрать весь оркестр и оставить один барабан, то даже и в этом случае звучание было бы превосходным.

Почти все, что исполнялось в бесчисленных кафе-концертах, садах, дансингах Франции и Европы в конце минувшего — начале нынешнего века, было инструментовано Таваном.

Чтобы провести от Тавана линию в сегодняшний день, достаточно вспомнить фильм Дювивье «Большой вальс». Во времена Штрауса подобное звучание немислимо было представить. Сочиняя свои волшебные вальсы, песни и марши, Штраус думал скорее о скромных ансамблях, быть может, военных духовых оркестрах. Но двадцатое столетие потребовало иного Штрауса. Поэтому в фильме появились обработки американского композитора и аранжировщика Дмитрия Темкина. То была современная версия штраусовских мелодий, инструментовка, аранжировка, сделанная для современного оркестра.

Из числа лучших зарубежных инструментовщиков следует назвать Генри Манчини, лауреата многих Оскаровских премий, известных у нас Рея Кониффа, Мишеля Леграна, джазовых инструментовщиков Нила Хефти, Гила Эванса и молодого негритянского музыканта и общественного деятеля Куинси Джонса.

Зачинателем советской эстрадной инструментовки можно считать Виктора Кнушевицкого. Он много работал в симфонических оркестрах, в том числе и в знаменитом Персимфансе (первом симфоническом оркестре без дирижера), одновременно занимался инструментовкой, достигнув в этом своего рода вершины. В 1940 году Виктор Николаевич возглавил созданный тогда Государственный джазовый оркестр СССР, но с началом Отечественной войны ушел добровольцем на фронт.

После войны Кнушевицкий продолжал свою деятельность. Он был и остается старейшиной наших инструментовщиков, создателем школы, из которой вышли многие известные композиторы, инструментовщики, музыканты. С работы инструментовщика начинала свою деятельность такие известные композиторы, как А. Цфасман, Я. Френкель, Ю. Саульский.

Сегодня эстрадный инструментовщик, помимо профессиональных навыков, должен обладать живостью воображения, глубоким знанием специфики смежных музыкальных жанров. Произошла «симфонизация» эстрадной музыки, оркестрового сопровождения песни. Появилось много молодых имен: москвичи Г. Гараян, А. Норченко, В. Рычков, В. Хорощанский, В. Махлянкин, А. Мажуков; ленинградцы А. Кальварский, В. Федоров; джазовые инструментовщики А. Кролл, В. Долгов, А. Зубов, В. Гринберг... Произведения в их оркестровках звучат на эстраде, в цирке, по радио, с киноэкрана... Имена эти подчас скромно так и остаются за кадром, но без них не было бы нарядной одежды у песни, танца и эстрадной песни...

В. ТЕРЛЕЦКИЙ

Слушайте девятую звуковую страницу.

Эти снимки сделаны 27 мая 1971 года
в Лужниках во время
прощального матча Льва Яшина.

В. СКОРЯТИН

долгий спортивный день

Пеле: «Я видел многих вратарей, у каждого свой момент, своя эпоха, своя игра. Но я всегда был поклонником Яшина».

Хомиш: «Жизнь, вложенная во вратарское искусство...»

Яшин: «Прощаюсь с большим футболом. Грустно ли мне сейчас? И да и нет...»

Слушайте четвертую звуковую страницу. Наш корреспондент — за сеткой ворот Льва Яшина.

Итак, все стало на свои места. Столько-то раз Яшин защищал ворота московского «Динамо», столько-то выходил на матчи в составе сборной СССР, в сборной клубов, в сборной Москвы... Играл в командах, выступавших под флагами ФИФА, УЕФА. Случалось ему играть в товарищеских встречах за столичные коллективы «Локомотив» и «Торпедо»...

Набралось 812 матчей. Все учтены дотошными статистиками. И вот самый последний, прощальный... Лев Яшин снял перчатки и покинул зеленый прямоугольник футбольного поля. Утирая лицо, чуть ссутулившись, он уходил по гулкому, похожему на тоннель коридору. По цементным плитам звонко цокали шипы, отмеряя последние секунды его долгой спортивной жизни...

Это было прощание символическое. Яшин ушел раньше. Он и сам не знал, какой матч окажется последним. Он еще надеялся выйти на поле в решающие для команды дни. Но старые травмы каждый раз оставляли его на наимейне запасных. И пока шел своим чередом футбольный чемпионат 1970 года, вряд ли кто из любителей спорта догадывался, что 30 августа мы видели знаменитого вратаря в последнем рабочем матче...

Путь Яшина к всемирной спортивной славе не был бесспорным. Мало кто знает о том, что в самом начале футбольной биографии его отчисляли из команды, отводили ему, на худой конец, место только в дублирующем составе. Разумеется, не все подозревают и о том, что спортивная биография Л. Яшина могла закончиться после чемпионата мира в Чили, затем — в середине шестидесятых годов. У Яшина были сомнения, были горькие минуты в жизни. Но он никогда не жаловался на судьбу. Он играл, играл... Все так привыкли к яшинской фигуре в воротах. Казалось, что он вечен. А в глубине души мы сознавали: наступит время, и Яшин оставит спорт. Но как почувствовать этот миг? Как узнать, что пришла пора распрощаться с тем, чему посвятил свои лучшие годы? Есть ли он, критический возраст спортсмена?

Кто из них прав? Может быть, Габи Зейферт, которая, лишь только ей исполнилось 20 лет, навсегда ушла со спортивного льда? Или Стэнли Метьюз, отпраздновавший полувековую юбилей на футбольном поле? Не рано ли собирается снимать хоккейные доспехи Анатолий Фирсов? Когда надо уходить спортсмену? Когда слава достигла вершины — в «звездный» час или после?

Почему же некоторые спортсмены откладывают час прощания? И зачем они, познавшие радость побед, рискуют своим спортивным авторитетом? Что движет ими? Жажда самоутверждения? Желание преодолеть себя? Чувство долга перед молодыми спортсменами? Может быть, нелегко отказаться от борьбы, когда понимаешь, что есть еще силы, понимаешь, что удача победы не изменила тебе... «Уходить надо непобежденным», — говорят одни. «Воротся до конца», — утверждают другие.

И спортивные биографии чемпионов подтверждают эти различные точки зрения. Нет ли здесь противоречия? Есть спорт юношей... Есть спорт мужчин, когда с энергией молодости соперничают многолетний опыт, мудрость ветерана. Чемпион мира Рудольф Плюкфельдер в

36 лет завоевывает золотую олимпийскую медаль. Вольдемар Башановский в этом же возрасте бьет рекорды мира. Что помогло им в борьбе с молодыми соперниками? Опыт.

У вратарей не бывает скороспелых мастеров. Зрелость, как показывает жизнь, приходит к вратарям после двадцати пяти лет. Не раньше.

Спортивная жизнь Льва Яшина не исключение. В двадцать шесть лет динамовский вратарь стал олимпийским чемпионом. Но настоящее мастерство, а с ним и слава пришли к Яшину после тридцати. Яшина признал весь мир после знаменитого матча на кубок Европы сборных команд СССР и Югославии в Париже.

Сколько их было — международных на чемпионатах мира, Европы, привлекавших стотысячные аудитории любителей спорта, и нешумных матчей дублирующих составов, проходивших на маленьком динамовском стадионе в Петровском парке! «На Яшина» можно ходить специально. Как, скажем, ходят на спектакли с участием любимых актеров. Яшин мог сыграть с блеском, мог отстоять в воротах чуть хуже, но он никогда не пытался приблечь силы, что называется, слухавить...

И все чаще поклонники его спортивного таланта с сожалением задумывались над тем, что Яшин, увы, не вечен. И все чаще ему докучали не совсем тактичными вопросами: «Когда же последний матч? Когда покинет ворота?» А Яшин все играл.

Почему он должен отказаться от борьбы, если есть силы? Разве это не малодушие — оставить ворота, когда ты еще нужен команде, нужен спорту?

И он вновь надевал старенькие бутсы и выходил на тренировочный газон в Новогорске. И снова мячи неслись на него, тяжелые и твердые, как арбузы, стремительные, словно ядра... И он, уже без прежней легкости, летал в воротах из угла в угол, но все же успевал в последний миг прервать полет мяча...

Вратарь — фигура в футболе загадочная и романтическая. Излишне говорить, какой ответственный пост доверен ему. Всегда на виду вратарь. Ему аплодисменты, с него и спрос. Переменчиво спортивное счастье. Болельщики не хотят прощать кумирам промахи. Но Яшину это было незнакомо. Он оставался любимцем знатоков спорта, ему доверяли партнеры по игре...

Миг прощания со спортом. Все на первый взгляд было буднично: в ворота встал другой, молодой вратарь. И все было необычно. Яшин уходил с поля, и вслед ему смотрели сто тысяч присутствовавших на стадионе. Яшин шел привычным, сотни раз хоженным путем по кромке изумрудного лужниковского поля, и его провожали миллионноглазым взглядом телевизионные камеры. Что он оставил в спорте после себя — высокий, длиннорукий, чуть сутулый вратарь?

Ответ на этот вопрос дадут другие вратари, его преемники — и тот, кто сегодня уже стоит в воротах, и тот, кто полюбил футбол благодаря Яшину.

Можно ли после этого говорить, что Яшин навсегда ушел из футбола?

Ведь каждый год на дереве появляются новые листья...

ПРИЗРАКИ

Возница, который привез нас к знакомому леснику, все еще сидел в избе да после чайка покуривал, а мы уже в тайгу собрались.

Вышедший нас проводить Максим Савельевич, лесник, негромко ворчал:

— Не успели ни посидеть толком, ни новостей рассказать...

Но уж очень хотелось нам после городской суеты по-торопливо пройти на лыжах по занесенному белым снегом лесу, подышать чистым да студеным его воздухом, послушать заповедную тишину...

— Ружьишко захватили бы на всякий случай, — уже в спину посоветовал нам Максим Савельевич.

— А мы недалеко, — сказал я. — По ближайшим опушкам пробегим, да и обратно...

Рядом со следком, набеганным собаками, перешли мы через речку и стали на старую лыжню.

День был ясный, небо синело уже по-весеннему, и над лесом замерла особенная тишина; была она не глухая, как месяц назад, не темная — была голубая и солнечная. Воздух был чист, как вода в роднике, но к резкой его свежести примешивались еще и тонкие лесные запахи — и холодной пихтовой смолы, и кедровых веток, и поби-тых морозцем рябиновых ягод... А может, так только ка-залось, потому что глаза наши радовались и яркой зе-лени пихтача да кедров, и кровинкам рябины под белы-ми колокольцами снега.

Мы с другом только перемигивались да один другому покивляли: вот, мол, какая красота!

Я остановился, чтобы выбить из-под пяток налипший снег, уже скосынул его рукояткой большого охотничь-его ножа, выпрямился и тут краем глаза увидел, как сбоку от меня кто-то большой неслышно прошмыгнул в негустом пихтаче.

Я вздрогнул от неожиданности и невольно приподнял нож, потом тихонько повел туда-сюда головой, пытаюсь и взглядеться получше и получше прислушаться... Нет, не видно ничего и не слышно, словно это тень сколь-знула и тут же растаяла. Обернулся я к другу, а он, гля-дя на меня, тоже замер. Машу ему: иди сюда.

— Ты ничего не видел? — тихонько спрашиваю, когда он подошел.

— Не-а, — шепотом отвечает друг. — А что такое?..

— Да вроде бы промелькнул кто-то... метнулся — и нет его.

— Может, рысь?

Я только плечами пожал.

— А может, тебе показалось? — спрашивает друг. — Пой-дем след поищем...

Осторожно двинулись мы к пихтачу. За первыми дере-вьями виднелись на снегу кругляши рысьих следов.

То и дело оглядываясь, подошли мы поближе, друг мой нагнулся, в снег рядом со следом сунул было руку в перчатке, чтобы, поддев кругляш, определить, промерз ли он или нет, а потом вдруг выпрямился и говорит уже совсем другим тоном — спокойным и чуть насмешливым:

— А след-то старый... Здесь порошей присыпало, а там вон, смотри, пихтовые иголки напалили...

— Может, — говорю, — она по деревьям прошла?

— Да ну, — смеется друг, — ты придумал!

И тут я вижу, как лицо у него разом становится вдруг очень серьезное, если не сказать, испуганное, он медлен-но оборачивается, а левой рукой будто бы между про-чим отстегивает кнопку на ножнах...

Я тоже вытягиваюсь в ту сторону, куда он смотрит, мы оба прислушиваемся, а потом друг мой оглядывается, и в глазах у него я вижу упрек: предлагали тебе ружье, почему не взял?..

Эх, существует же в самом деле такой закон вредности: если ты оставил плащ дома — обязательно под дождь попадешь; захватишь его с собой — так и проносишь цел-ый день на руке или испаришься в нем под солнцем. Так и сейчас. Закинул бы я за спину ружье, и ничего бы мы в тайге не увидели, как пить дать. А стояло пой-ти без него — и вот уже приходится об этом жалеть!

Подожму потихоньку поближе к другу, киваю ему, гла-зами спрашиваю: в чем дело?

— Да ты понимаешь, — шепчет он, словно оправдыва-ясь, — кто-то прошел... То ли лось, то ли... большой такой, но до того тихо прошел! Проскользнул и... как призрак!

— Тогда, — говорю, — точно так же!

— А ну-ка пойдем на след взглянем...

Вот шли мы медленно рядышком, шли, снова беспоко-жно оглядывались, готовые к любой неожиданности: тайга есть тайга. Добрались до того места, где должны бы остаться следы, а следов никаких нет.

Теперь уже друг мой говорит:

— А может... с дерева на дерево?

А я сомневаюсь: могла ли рысь бесшумно пройти по нижним сучкам?

— Что ж мне, — спрашивает друг, — померещилось?..

— Померещилось или нет, — я ему говорю, — а давай-ка уходить. Если это и рысь, что мы сделаем без ружья?

Пошли мы, то и дело оглядываясь, да только не успели отойти и самую малость, как друг мой снова замер, при-слушиваясь, а потом повернулся, смотрит на меня испу-ганно и торопливым шепотом говорит:

— За нами крадется, точно!..

Тут я слышу у себя за спиной слабый шорох, оборачиваюсь с быстротой, на какую только способен, и успеваю заметить, как с большой пихты серебристым водопадом рушится снег, секунда — и нет его, пролетел, словно облачко скользнуло вниз и растаяло, словно прошла, исчезая, легкая тень... Лишь веточка, на которой только что лежал этот снег, тихонько покачивается, освобожденная... Вот оно что!

Оборачиваясь к другу, а он стоит и смеется — тоже все понял!

— Эх, ты! — говорю. — Призраки!.. Весна, брат, идет — вот что это такое!
Вот стоим мы с ним, головами покачиваем, улыбаемся, — нам и смешно и чудочку стыдно, что труса праздновали... А слева и справа от нас, то близко, то далеко, снова обрушивался вмиг подтаявший снег, и еловые да пихтовые ветки, освобождаясь от тяжести, распрямлялись, приподнимались, покачивались...

ОБИДА

Приехал я отдохнуть в родную станицу, пошел на речку купаться. Перебрался через поток, чтобы найти местечко поглубже, искупался, лежу на песочке, греюсь. Солнышко мне плечи сушит, высоко надо мной щурки покриваюют, а рядом волны о берег тихонько шлепают да через тальниковую ветку в воде перекрестывает и брунжит веселый бурун...

Я положил голову на руки и глаза прикрыл — хорошо! Вдруг слышу: недалеко загоготал гусь. Приподнял голову, а он стоит за протоком и на меня с интересом смотрит. Кивнул я ему:

— Ты чего?..

А он опять, спокойно так, но вроде бы и настойчиво:

— Ka-ral.. Ka-ral..

И все косит глазом.

А мне весело оттого, что я дома, на родной своей речке, вот я ему и говорю:

— Ты почему один-то?.. Иди сюда, вместе будем купаться! Иди-иди!..

И он как будто бы понял.

По бережку протока прошел неторопливо он вверх, потом плюхнулся в воду, поплыл, с носка на пятку покачиваясь, и вышел на берег как раз напротив меня. Подошел и стоит, смотрит.

— Садись! — говорю ему. — Чего ж стоишь?

Он розовые свои лапы спрятал, присел.

— Почему же ты все-таки один?

А он опять:

— Ka-ral.. Ka-ral..

Может быть, это он мне отвечал, а может быть, и меня, отчего это я тоже один, расспрашивал.

Потом я ему говорю:

— Пойдем искупнемся?

Встал и пошел. Обернулся уже у самой воды, а он неторопливо так топает за мной, переваливается.

Я поплыл, и он тоже.

Только я тут же вымахнул и берегу, а его на быстрине далеко унесло. Вышел он там, ко мне повернулся, задрал клюв и громко издалека:

— Ka-ral..

— Эх, ты, — кричу, — чего ж ты уплыл?..

Снова опустил я голову на руки, полежал-полежал, поблаженствовал, потом открыл один глаз, а гусь-то, оказывается, давно уже рядом сидит!

Долго мы с ним так вместе и купались и на бережке отдыхали, а затем я и говорю:

— Ну, все, брат, мне домой пора... А ты куда?

Он говорит:

— Ka-ral.. Ka-ral.. Ka-ral..

Да, жаль, мне ничего не понятно.

— Ладно, — говорю, — я пошел... До свидания! Придешь завтра?

Пошел, а он и тут за мной увязался. Переваливается теперь с боку на бок, приотстанет немного, потом догоняет, топчет за мной по горячей пыли. А мне интересно — давай иди!

Но когда пришли мы с ним к нашему двору, я задумался. Конечно, был бы этот гусь сам по себе, я бы пригласил его: пожалуйста, заходи!.. Да только ведь не дикий он, а домашний, а значит, у него обязательно есть хозяин, и так уж устроено, что это у него надо спрашивать, можно или нет пойти гусю ко мне в гости.

Вот я ему и говорю:

— Спасибо, что ты проводил меня, Ka-ral.. Но только теперь ты домой иди, понимаешь?..

Я в калитку, а он за мной. Еле успел я ее перед ним захлопнуть. Стою потом во дворе, а гусь за штaketным

заборчиком туда-сюда ходит. То в одну дыру сунет клюв, то в другую. И все гогочет тихонько.

Пробовал он так, пробовал пролезть во двор, потом немножко от забора отошел и вдруг бросился на него, обижено закричал, громко ударил крыльями... Повернулся и, переваливаясь, потопал себе обратно.

Почти месяц потом я ходил на речку на это же место, но знакомого одиночного гуся больше так и не видел. Когда я лежал на песочке, мимо меня иногда неторопливо проходили маленькие или большие стада, иногда они плыли, гогоча, вниз по реке, и я приподнимался, пытаясь угадать, нет ли в них и Ka-га. Может быть, его так и не было, а может быть, он проплывал иногда мимо, только не смотрел на меня, не показывая вида, что мы знакомы. Кто знает, может быть, это знакомство со мной он считал большою ошибкой и хотел поскорее о нем забыть...

8

ВЕСЕ ЛЫЙ ШУМ

Фото
Л. Лазарева

Давным-давно в дремучие брянские леса бежали от царской немилости раскольники. И называлась их слобода Зыбкой, потому что стояла она на зыби, на болоте. В половодье заливало ее водой, и решили слободяне выбрать местечко повыше, на горке. С тех пор и зовется деревня Новое Место.

Было это лет двести назад. А может, и того больше. Просыпается деревня рано. Скрипнула калитка, сосед пилит дрова, из кузницы доносится звон наковальни, на лугу косы свистят. В избе бабушка больше по обычаю, чем по надобности, расчесывает на старинном гребне лен. Птицы заливаются кто во что горазд.

Для одного это просто шум привычный, которого не замечаешь, для другого...

В Новом Месте пила, грабли, коса не только сельскохозяйственные орудия, но и музыкальные инструменты.

Не один год идет на всю округу слава о здешнем шутейном оркестре. Однако музыканты — шоферы, скотники, библиотекари, кузнец — относятся к своему оркестру вполне серьезно, и каждый приходит на репетиции со «своим» инструментом: кузнец — с наковальней, скотник — с граблями.

Организовал этот оркестр сельский учитель Николай Иванович Тарасевич. Он немолод. Были в его жизни и невзгоды и радости. До революции с родителями, тоже сельскими учителями, исколесил пол-России. Потом участвовал в коллективизации, воевал, ранен был, победу встретил поблизости от Берлина.

«Шутливый у нас народ, затейники...»

И первый затейник, конечно же, он сам. Часто бродил он по селу, прислушивался к песням, к девичьим частушкам, сочинявшимся тут же, на ходу. Вечерами играл на скрипке, доставшейся от отца. А потом решил создать шумовой оркестр.

Гребенки от бабушкиных прялок по всей деревне собирали. Где-то на чердаке отыскали граммофонную трубу. Подуем в нее.. Звучит труба! Увидел у одной женщины старинный ткацкий станок. А что, если и его в оркестр? Попробовали... поработать на нем. Действительно, ведь ни в одном ансамбле нет такого ударного инструмента...

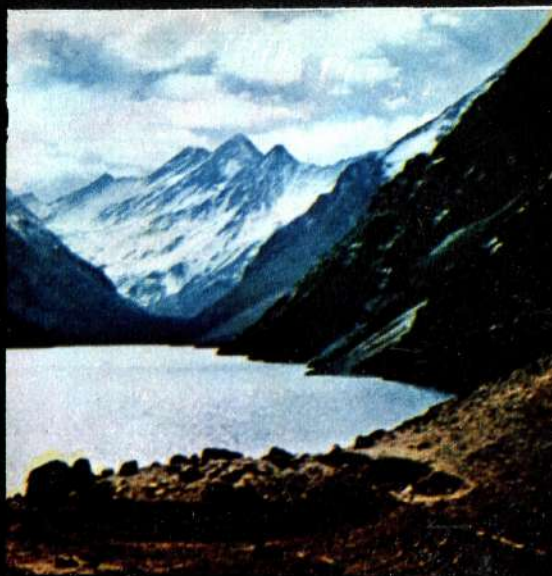
Рано утром любит Тарасевич «слушать» деревню:

— У лесочка кукушка живет, а в ольхах соловьи поют. А в теплую погоду лягушки квакают не как-нибудь, а от души...

И новоместцы собрали в шутейном шумовом оркестре звуки деревни, музыку работы. А что из этого вышло, вы узнаете, прослушав восьмую звуковую страницу.

Людмила ЯШИНА,
специальный корреспондент «Кругозора»

Село Новое Место,
Новозыбковский район, Брянская область.

возвращение песни

10

В июльском номере «Кругозора» мы начали международный конкурс на наиболее интересную аранжировку и исполнение песен народов СССР и песен советских композиторов зарубежными певцами.

Жюри конкурса будет, пожалуй, одним из самых больших — не менее 350 тысяч человек (это тираж «Кругозора»), так как мы просим каждого нашего читателя быть членом жюри. Сохраните конкурсные звуковые страницы, а затем пришлите свое решение, распределив между участниками три места. Количество голосов определит лауреатов.

В предыдущем номере выступили певицы из Чехословакии Итка Зеленкова и Ладка Коздеркова. Сегодня конкурсная звуковая страница предоставлена чилийскому певцу Роландо Аларкону. Он исполняет песню Булата Окуджавы «Полночный троллейбус» и песню Э. Колмановского на стихи

Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны» в переводах на испанский язык Анхелины Сильвы. Аранжировщик — Луис Адвис.

слушайте

В

номере

8 (89) август 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Черта характера — верность призванию. Три сестры — одна судьба. Размышления учительницы из Новгорода-Северского.
2. «Огненная вахта». Реставрация подвига.
3. Приключения для вас. «Над нами — парус. Под нами — плато Усть-Урт».
4. Последний бросок. Микрофон «Кругозора» у ворот Льва Яшина. Репортаж Б. Вахнюка.
5. Театр «Кругозор». Всеволод Аксенов в театре и на эстраде. Пластинку ведет И. Ильинский.
6. И. С. Тургенев. Стихи из цикла «Вариации» читает В. Ларионов, романс «Утро туманное» исполняет А. Покровский.
7. В колллекции редких записей. Александр Срябин. Этюд № 12, соч. В — играет Хильде Зомер; фрагмент «Поэмы экстаза» исполняет оркестр под управлением Дональда Йоханеса.
8. Фольклорная экспедиция. Выступает шумовой оркестр села Новое Место и его руководитель Н. Тарасевич.
9. «Как это делается?» Об искусстве аранжировки рассказывает В. Терлецкий.
10. Конкурс «Кругозора». Советские песни в исполнении зарубежных артистов. Поет Роландо Аларкон (Чили). Б. Окуджава. «Полночный троллейбус»; Э. Колмановский, Е. Евтушенко. «Хотят ли русские войны».
11. Песенные премьеры. Ю. Саульский, П. Леонидов. «Станция конечная». Исполняет В. Толкунова; Э. Ханок, В. Харитонов. «Веселая строевая». Исполняет В. Макаров.
12. Эстрада планеты. Катерина Валенте. Ж. Косма. «Осенние листья», С. Рахманинов. «Концерт».

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой
странице обложки:
«Молдавская
рапсодия».
Рисунок
заслуженного
деятели искусства
Молдавской ССР
И. Д. Виеру

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Я. Гамбург
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, М-162,
Шаболовка, 53.

Телефоны редакции:
234-03-34, 234-04-02

Сдано в набор
2/VII 1971 г.
В 05687.
Подписано к печ.
20/VII 1971 г.
Формат
бумаги 60 × 84^{1/2}.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 1576. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Пластика словесного действия вместе с выразительной пластикой тела — на основе правильной внутренней жизни актера в образе — восходит к блестящему умению вести труднейшие монологи в трагедиях и романтических драмах, заражая зал высоким, героическим пафосом. Это ничего общего не имеет с ложно приподнятой театральностью.

Что может помочь актеру овладеть словом в таком качестве? Скорее всего музыка! Ведь музыкальность сценической речи — это та форма, которая необходима для передачи самых сокровенных чувств, волнующих и зрителя и актера.

Мне кажется совсем не случайным, что Грибоедов, в совершенстве владевший музыкальной интонацией в слове, строивший текст «Горю от ума» по всем законам гармонии, писал музыку. Как трепетно звучит его вальс, сочетаясь с диалогом Софьи и Чацкого в третьем действии!.. Как органично переходит эта грустная, мечтательная музыка в музыку кристального грибоедовского стиха! Как будто вальс этот нарочно написан для определенной сцены...

Были опыты соединения художественного чтения с музыкой, целые пьесы звучали в концертном исполнении — в сопровождении симфонического оркестра. Однако это были просто встречи двух искусств, встречи более или менее талантливые, более или менее интересные...

Мысль о создании театра, где драматическое действие с первенствующим значением слова естественно продолжалось бы в музыке, давно увлекала меня необычайно широкими возможностями в будущем. Где-то в будущем я вообще вижу синтетический театр, в котором драма, вокал, оркестр, пантомима, световая музыка, танец будут продолжать друг друга.

В спектаклях Театра слова и музыки жизнь дается как бы в сгустках мыслей и чувств, четко пульсирует, а не течет замедленно, не спеша, со всеми подробностями повседневного быта. Такое понимание особенностей романтического спектакля объединило ансамбль

Всеволод АКСЕНОВ

НАЧАЛО- ИТОГ ИСКАНИЙ

Из книги
«Люди и сцена»

артистов, пришедших из разных театров, чтобы участвовать в моей постановке ибсеновского «Пер Гюнта» с музыкой Грига.

Яркие детали декорации и костюмов понадобились уже в нашем следующем спектакле — «Арлезианне». Этого требовала стремительность мизансцен, подсканзанных ритмами солнечного Прованса, самой музыкой Бизе. Нам важен был «силуэт» узнаваемости. Мужчины в одинаковых белых рубашках, испанских поясах ярких расцветок. У женщин — кружевные мантильи, и только Жанэ, «этот молодой Гамлет», весь в черном, с чепками в руках.

Трагедия Гете «Эгмонт» с музыкой Бетховена в постановке Н. Арди явилась для нас очень важным этапом в решении исторической пьесы. Точный адрес эпохи, страны, событий, происходящих на сцене, заставил нас обратиться к еще большому разнообразию зрительных элементов. Именно тут мы впервые попробовали ввести для передачи атмосферы сцены и условное цветное освещение.

Тема Альбы звучит у нас так: при каждом упоминании о нем вместе с нарастающей тревогой в музыке вся сцена заливается кроваво-красным светом. Красный свет окрашивает платок, который закрыто тело погибшей Клары, когда ее несут горожане. Зеленый приглушенный цвет дает ощущение зловещего сумрака в сценах тюрьмы.

Это все помогает нам уйти как можно дальше от копирования быта. Не изображать, а выразить суть явлений, событий, характеров.

Меня сейчас увлекает «Рембрандт» Дмитрия Кедрина: трудная судьба художника в мире несправедливости, лжи и ханжества. Страстное, драматическое стихотворение. Я хочу сам сыграть этого великого фламандца...

Сцены из спектаклей и фильмов с участием В. Н. Аксенова: «Станок воды», «Двенадцатая ночь», «Арачьевщина», «Торговцы славой», «На всякого мудреца довольно простоты», «Горе от ума», «Загмук», «Пер Гюнт».

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Всеволоду Николаевичу Аксенову не удалось сыграть роль великого Рембрандта. Он не успел напечатать свою книгу воспоминаний «Люди и сцена», главу из которой публикует «Кругозор». Он рано ушел от нас.

Но Всеволоду Николаевичу удалось оставить память о себе как о художнике не только записями для грампластинок и для радио, не только запомнившимися образами в нескольких кинофильмах. Он жив в том Театре слова и музыки, который он создал, к созданию которого стремился всю жизнь. Этот театр под руководством его жены и друга

Н. А. Аксеновой-Арди продолжает и развивает найденную им новую форму театрального искусства.

Я знал Аксенова многие годы. Мы вместе работали в Малом театре, и мне всегда были дороги встречи с ним в спектаклях «На всякого мудреца довольно простоты», «Двенадцатая ночь», «Волны и овцы», его любовь и сценической правде и простоте.

В годы войны мы вместе были во фронтовых бригадах. В этой близости он выявился для меня и как человек и как гражданин. И снова мы работали в Малом театре.

Аксенов обладал способностью проникать в самую суть явлений, способностью распознавать и отличать истинное благородство от соседствующих фальши и ханжества. Он умел говорить правду в глаза, когда ему казалось, что нарушаются принципы и традиции Малого театра, театра, в котором он начинал свою жизнь в искусстве и который навсегда остался для него родным.

Игорь Владимирович Ильинский ведет пятую звуковую страницу «Всеволод Аксенов в театре и на эстраде».

КАТЕРИНА ВАЛЕНТЕ

Ее слава «Катерины Великой», как называют актрису в мире современной эстрадной песни, слава «одной из лучших джазовых певиц», устойчива и не подвержена веяниям моды...

Катерина Валенте ведет свою программу в искрометном ритме, она не только поет, но и танцует. Танцует так, что у вас захватывает дух. Каждое движение ее танца отработано — отбивает ли она лихую четкость, кружится ли в современном динамичном танце, или исполняет каскадный опереточный номер.

Кроме того, Катерина Валенте играет на всевозможных музыкальных инструментах и играет так, как играют на классической гитаре или флейте музыканты-профессионалы...

Внезапно Катерина Валенте преобразается в клоуна — в музыкального эксцентрика с двумя тамбуринами и итальянской мандолиной, на которой она аккомпанирует своему акробатически-танцевальному этюду.

Наконец, Катерина Валенте поет. Поет так профессионально и так щедро (на концерте в Москве она спела 42 песни!), что, кажется, лучше нельзя спеть знакомые французские, итальянские, английские, испанские песни... Потому что перед вами выступает то Катерина-француженка, то Катерина-итальянка, то Катерина-немка, то «русская Катя», которая по-русски разговаривает со зрителями, и все это — одна прекрасная актриса и певица Катерина Валенте.

Сколько же надо положить труда и сил, чтобы достичь в эстрадном жанре такого высокого профессионализма?!

На этот вопрос отвечает сама Катерина Валенте:

— Каждое утро полчаса физкультуры с элементами акробатики, затем час — урок вокала, два часа — балетный класс, потом музыкальные занятия — рояль, классическая испанская гитара, флейта. Позже репетиция с постоянным партнером — моим родным братом Сильвио и, наконец, оркестровая репетиция.

Моя школа? Цирк. Это прекрасная и требовательная школа. Всесторонняя и предельно дисциплинирующая. Мои первые учителя? Отец и мать. Цирковые артисты от деда-прадеда. Мы с Сильвио уже седьмое поколение в роду, которое посвятило себя музыке и цирку.

Для Катерины Валенте никогда не было вопроса: кем быть? Она хотела стать антрисой, и она ею стала...

Е. ТАРХАНОВА

Цена 1 руб.